
ЗВЕЗДНОЕ НАСТРОЕНИЕ

ЗВЕЗДНОЕ НАСТРОЕНИЕ

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Город граконов

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Звездная, Елена.

3-43 Город Драконов. Книга пятая / Елена Звездная. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Звездное Настроение).

ISBN 978-5-04-117848-2

Казалось бы, жизнь Анабель налаживается. Убийца пойман, его сообщники обличены, в искренности чувств лорда Гордана не приходится сомневаться, и дело решительно движется к свадьбе.

Но Город Драконов не выпустит ее из своей хватки! Город, в котором расправляют крылья, почти забывшие небо. А лорд Арнел, как истинный дракон, никому не отдаст свое главное сокровище.

Бежать невозможно. Будущее предопределено, и это будущее — пребывание в Вестернадане до конца дней. И ветер перемен над Железной Горой усиливается, обнажая мрачные секреты и коварные замыслы тех, кто уже давно стал теневой властью в обществе драконов. Тех, кто готов убить ученицу профессора Стентона, чтобы сохранить свое положение.

Невзирая на опасность, мисс Анабель Ваерги продолжает свое расследование!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117848-2

© Звездная Е., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Удар тяжелой тростью об пол и громогласное, магически усиленное объявление церемониймейстера:

— Лорд и леди Арнел!

«Как же мне страшно», — полное паники мысленное от меня.

«Quod puritas!» — заклинание очищения от лорда Арнела, и пыль, паутина, тлен старинных тайных ходов облетают с нашей одежды, как прошлогодняя листва.

Я взглянула на дракона. В моем испуганном взгляде откровенно читалось: «Зря повернули направо», в его отстраненно-ледяном: «Я предупреждал, что следует идти налево». В любом случае этот провал был нашим общим.

Вспышки фотографических аппаратов, моя рука церемонно смещается из ладони лорда Арнела на сгиб его локтя, еще сотня вспышек фотоустройств, сфокусированных на помолвочном кольце, и тщетная надежда на то, что под маской с вуалью меня никто не узнает. Но надежды действительно оказались тщетны.

— Леди Арнел-Ваерти, какое отношение вы имеете к процессу «Генверт»?

— Леди Арнел, действительно ли профессор Стентон передал вам все свои научные открытия?

— Как вам удалось так удачно заполучить наследие Стентона? В чем ваша удача? Миледи, всего слово! Одно слово, миледи!

О, я могла бы высказать целую фразу, и эта фраза звучала бы так: «Мне удалось выжить», все остальное следствием удачи определенно не являлось. Совершенно не являлось. Абсолютно.

— Выставить оцепление. Убрать журналистов! — ОрКолин возник незаметно, но очень вовремя. — НакТард, командование на тебе.

Личная императорская гвардия, сверкая позолотой парадных доспехов, с возникшей проблемой разобралась молниеносно. Были отеснены газетчики, нас прекратили ослеплять вспышки магниевого порошка, распорядитель сделал вид, что возникновение гостей императора прямо из колонны на парадном крыльце вполне себе нормальное явление, никоим образом не кажущееся чем-то запредельным и неординарным. Маленький паучок, изгнанный с моего платья вместе с паутиной и пылью заброшенных тайных ходов, торопливо уполз в щель той самой колонны, из которой мы с таким оглушительным провалом возникли.

— Благодарю за вуаль. Вы были правы, это действительно в высшей степени удобно.

— Всегда рад услужить, — с холодной учтивостью произнес лорд Арнел.

Я никогда не задумывалась о том, что чувствуют два дуэлянта, скрещивая шпаги. Какие мысли проносятся в их головах в тот миг, когда напряженно звенит соприкоснувшееся железо. Что овладевает их сердца — желание победить или предчувствие поражения? Полнейшего болезненного поражения в случае, если

один дуэлянт существенно уступает второму в силе, сноровке, умении держать шпагу...

— Но представлять меня как леди Арнел все же не стоило, — сказала негромко.

Сопровождающий нас ОрКолин не упустил момента и позволил себе высказаться по данному поводу:

— Бель, как у мисс Ваерти у тебя не было бы и шанса появиться в императорском дворце.

Я промолчала, не желая продолжать дискуссию.

Зато лорд Арнел решил продолжить:

— О, поверьте, генерал, мисс Ваерти, несомненно, изыскала бы способ проникнуть в любое требуемое ей помещение. Как минимум путем трудоустройства. К слову, дорогая, я уволил вас с должности помощника городского архивариуса.

— Как вы узнали?! — потрясенно переспросила я.

— Это не составило труда, — безмятежно отозвался лорд Арнел, — достаточно было лишь внести в устав трудового кодекса пункт о необходимости состоять в браке.

И я остановилась.

Это выглядело не слишком достойно, учитывая, что остановилась я на пороге императорского дворца, но мои нервы были на пределе.

— Позвольте спросить, лорд Арнел, а это, случайно, не вы ли внесли пункт о необходимости холостого положения для младших следователей?

Взглянув на меня с ледяной насмешкой, градоправитель Вестернадана спокойно ответил:

— Нет.

Затем по его губам скользнула коварная ухмылка, и дракон добавил:

— Кристиан любезно сделал это для меня.

ОрКолин обернулся и остановился, взирая на застывшую меня. Вдалеке вернулись к масштабному сжиганию магниевого порошка назойливые газетчики, и все вокруг вновь озарилось вспышками фотоаппаратов, впереди нас ожидал наш главный враг, а я... я... я...

— Я не знаю, что я с вами сделаю после победы над Карио. Я правда не знаю, но, поверьте, вам это с рук не сойдет!

И, вскинув подбородок, я расправила плечи, выпрямила спину до боли и сообщила ОрКолину:

— Все, я готова.

Вот теперь действительно готова. Уже абсолютно ко всему.

* * *

Несколькими днями ранее...

«Дорогая моя, правильное утро в уважаемом доме начинается рано. Первым встает дворецкий, ведь кроме него, никто не смеет открывать входные двери, а молоко и утренние газеты доставляют на самой заре. Так же помни, прислуга — символ благополучия дома, те, кто позволяет леди вести достойный образ жизни. Когда у тебя появится свой дом, учти, что леди и джентльмены никогда не должны слышать голоса слуг».

В этот момент внизу раздался крик миссис Макстон:

— О нет, Бетси, требуется чайный сервиз, подходящий к случаю, а потому цвет должен быть исключительно голубой, несомненно, легкий принт и ажурная отделка... мм-м... Принеси из кладовой сервиз от «Тиффани».

Я невольно улыбнулась и перешла к продолжению чтения конспекта, который некогда вела по приказу матушки, записывая ее наставления.

«Слугам запрещено самим заговаривать с хозяевами».

Распахнулась дверь, заглянула Бетси и спросила:

— Мисс Ваерти, ну как, закончили?

Скорбно посмотрела на идеальный белоснежный лист бумаги с дорогим тиснением, на котором пока что имелась всего одна фраза: «Дорогая ма-тушка...»

— Я в процессе, — нервно солгала горничной.

Бетси кивнула и унеслась в кладовую.

Мне же пришлось вернуться к конспекту, который во времена моей юности мною же был весьма фривольно назван «Заунывным трактатом».

«Служащие никогда не должны высказывать свое мнение господам».

— Мисс Ваерти, — миссис Макстон появилась в незакрытых Бетси дверях, — я решила, что вы наденете это чудесное голубое платье, расшитое не менее чудесными васильками. И не спорьте!

Я не стала спорить, отчетливо зная, что это бесполезно, и вернулась к чтению:

«Слуги не должны разговаривать с другими слугами в присутствии работодателя».

— Но, миссис Макстон, — Бетси с коробкой, содержащей фарфоровый сервиз, показалась в дверях, — это платье прислала леди Давернетти! А вы помните, каким было прошлое платье, что пошили по эскизу леди Давернетти!

Что?! Кто прислал платье?!

Подняв голову, я удивленно посмотрела на горничную, но спросить что-либо не успела.

— Бетсалин, — чеканно и гневно произнесла миссис Макстон, — ступай на кухню!

Горничная юркнула прочь, мне же достался невозмутимый вопрос:

— Как продвигается дело с написанием письма вашей матушке?

— К сожалению, скверно, — с грустью призналась я.

— Мм-м, прискорбно. А что это вы читаете?

Домоправительница быстро пересекла пространство еще частично разгромленного кабинета, взяла со стола мой конспект и с интересом вчиталась в его содержимое.

— О, а ваша матушка определенно является женщиной, знающей толк в ведении домашнего хозяйства.

— Да, это так, — тихо ответила и с трудом подавила полный грусти вздох.

Я скучала по матушке, по отцу, по дому. Ранее в моей жизни были профессор Стентон и научные труды, коим я отдавала все свое время. За прошедшие шесть лет случилось столь много всего, но неизменным оставалось одно — каждый субботний вечер, сразу после пятичасового чаепития, я писала маме. Я не могла поведать о работе, которую проводили мы с профессором, но мне и так находилось что рассказать. И я писала, старательно выводя каждое слово и добиваясь той безукоризненности формулировок, словесных оборотов и каллиграфии, что, по мнению общества, должны быть присущи истинной леди. Мне хотелось верить, что когда-нибудь матушка простит меня и прочтет хотя бы одно мое послание, а потому я была упорна в своем стремлении.

С приезда в Вестернадан я перестала писать письма. Рассказывать о том, что все мои мечты обратились прахом, а наследование дома профессора превратило

меня в вечную пленницу Железной Горы, желания не было. Ко всему прочему до недавнего времени мне казалось, что и жизнь моя будет крайне непродолжительной — ровно до момента оглашения завещания профессора Стентона.

Но сейчас все изменилось.

«Ad sidera volare!» и огромный серебристый дракон, взмывающий в небо... Незабываемо. Это был один из самых прекрасных моментов в моей жизни. И самых сложных, в который мне пришлось полагаться не на силу профессора Стентона, не на мощь магии драконов, заключенную в камне-основании дома, а лишь на любовь лорда Гордана ко мне. На его преданность, доверие и надежду.

«Я не знаю, сумею ли я сделать вас счастливым, но я постараюсь сделать все для этого. И если вы любите меня, если вы действительно любите, я согласна стать вашей женой».

Его любовь защитила нас обоих, не оставляя и тени сомнения в искренности слов лорда Гордана. В свою очередь я собиралась сдержать собственное обещание, даже понимая все сложности воплощения задуманного в реальность.

А сложностей имелось огромное множество. Первой из них являлся лорд Арнел. Второй — лорд Давернетти и его матушка. Третьей — необходимость стать уважаемой леди в высшем обществе Вестернадана, для чего и были предприняты все возможные меры. Несомненно, следовало бы решать проблемы по мере их возникновения, но я совершенно не ведала, что могу противопоставить двум сильнейшим драконам Железной Горы, кроме обмана, недомолвок и магических уловок наподобие «Dazzle».

Но обо всем этом я подумаю позже, сейчас важно было достойно пройти первое испытание из череды обязательных брачных церемоний Вестернадана и... дописать письмо, сообщив матушке, что я, вероятно, вскоре стану достойной замужней женщиной.

Миссис Макстон с нескрываемой жалостью посмотрела на меня и произнесла:

— Мисс Ваерти, боюсь, от этого письма не будет никакого толка.

Вероятно, она была права, и все же...

— Если я перестану хотя бы пытаться, тогда толку действительно не будет. Но пока я делаю хоть что-то, остается надежда, что родители простят меня, — прошептала едва слышно.

Неодобрительно покачав головой, моя добрая экономка сделала неожиданно чудовищное признание:

— Мне больно вам это говорить, но все ваши письма родным сжигались прямо на серебряном подносе для корреспонденции. Их практически ежедневные письма к вам постигала та же участь.

Мои ладони дрогнули, сердце забилося от боли, и едва ли можно было бы утверждать, что я стоически выдержала этот удар. Но я попыталась. Села ровнее и задышала чаще, стремясь сдержать слезы.

Чудовищный вопрос «Почему?» и не менее чудовищный «За что?» потрясли. Но не меньшим потрясением стало и осознание того, что родители писали мне почти каждый день.

— Все шесть лет? — ошеломленно спросила я, все еще не в силах поверить, что профессор Стентон мог поступить со мной столь жестоко.

Обойдя стол, миссис Макстон успокаивающе коснулась моей ладони, а затем тихо призналась:

— Мы поняли это не сразу, ведь, как вам известно, мисс Ваерти, профессор поступал так со многими письмами.

Это было мне известно. Лорд Стентон относился к тем драконам, которые никогда не меняли принятых решений, и потому впавшие в немилость не имели никакой возможности оправдаться письменно — послания сгорали, едва их переносили за порог дома. А в умении сжигать дотла профессору не было равных. Утренние и вечерние газеты, важные письма, послания от коллег оставались нетронутыми, но неудобные письма становились пеплом столь быстро, что оказывались не способными воспламенить ничего более. Помнится, первое время я с живейшим интересом наблюдала за подобными явлениями на подносе для корреспонденции и как-то даже была застигнута профессором за крайне нетривиальным занятием — попыткой зажечь свечу от горящих ярким пламенем писем.

«Моя дорогая Бель, — произнес тогда профессор, — мне всегда казалось, что вам есть чем заняться в этом доме».

О да, занятий было превеликое множество, но воистину, знай я тогда, что на этом подносе, возможно, сгорают письма от моих родителей, я повела бы себя не столь беспечно.

— Не могу поверить, — растерянно прошептала, глядя на лист передо мной.

— Мне очень жаль, — миссис Макстон ободряюще коснулась моего плеча.

Однако, боюсь, в этой ситуации утешения были бесполезны. Чем больше я об этом думала, тем большее становилось. И оставалось радоваться лишь тому, что ночь я проведу в поместье Арнелов и на слезы и сожа-

ления времени у меня не будет. А завтра, завтра, я надеюсь, мне станет легче.

И тут в дверь вновь заглянула Бетси и сообщила:

— Миссис Макстон, эта коварная женщина обманула вас самым коварным образом. Вы видели платье?

— Несомненно, видела, Бетсалин! — возмутилась домоправительница. — Разве я могла бы его одобрить, не посмотрев?

Ничуть не устранившись грозного вида миссис Макстон, горничная язвительно посоветовала:

— А вы бы надели очки да посмотрели повнимательнее. Мисс Ваерти, однотонное синее платье?

— Да, но после твоих слов мне хотелось бы взглянуть на наряд, присланный леди Давернетти.

Поднявшись и обойдя стол слева, чтобы не задеть остолбеневшую миссис Макстон, я устремила за Бетси в свою спальню — охранные заклинания на окнах, новая кровать, сменный балдахин над кроватью, как и весь постельный гарнитур, способствовали моему успокоению, так что отныне я вновь ночевала там.

Бетси, всегда отличающаяся резвостью и энергичностью, поспешила развернуть, видимо, вновь упакованное в коробку платье и приподняла его, держа на вытянутых руках. И вот тогда мы с миссис Макстон с изумлением узрели невероятную каверзу со стороны семейства Давернетти! Платье, казавшееся изящно расшитым невинными васильками, на деле было украшено так, что васильковая вязь складывалась в надпись: «Я люблю вас, Кристиан!»

И на этом драконье коварство не иссякло!

«Я люблю вас, Кристиан!» — значилось на кружеве, скромно прикрывающем линию декольте.

«Я люблю вас, Кристиан!» — складывалось стежками на поясе, подчеркивающим талию.

«Я люблю вас, Кристиан!» — было выписано множество раз по кругу на подоле.

— Говорила же — очки наденьте! — торжествующе высказалась Бетси.

— Это... возмутительно! — воскликнула миссис Макстон.

В этот момент внизу послышался стук, после открылась дверь, и мистер Уоллан объявил:

— Доктор и миссис Эньо!

Приложив пальцы к занявшим вискам, я приняла решение:

— Бетсалин, ты совершенно права, мое строгое синее платье для данного случая подойдет идеально.

— Но оно совершенно не праздничное! — возмутилась миссис Макстон.

— Согласна, — была вынуждена признать, — но я абсолютно не желаю устраивать праздник для лорда Давернетти, так что обойдемся унылой повседневностью — она мне гораздо милее, чем этот недопустимый наряд. Бетси, моя ванна готова?

— Да, мисс Ваерти, но, чую, надо бы туда добавить масла мятного и этой, как ее, лаванды.

— Да, и побольше, — поддержала миссис Макстон.

И, не дожидаясь ответа, торопливо вышла из моей спальни, прихватив коробку со злополучным платьем. Мы проводили ее разгневанный шаг сочувственными взглядами, но сами ничуть не расстроились, потому как единственной, кому понравилось данное платье, была сама миссис Макстон, остальные не одобрили данный наряд исключительно по одной причине — его прислала леди Давернетти.

* * *

К моему искреннему сожалению, Бетси несколько переусердствовала с мятным маслом, из-за этого теплая вода ощущалась скорее как ледяная и существенно холодила кожу. Отдохнуть в теплой ванне не вышло, а вот продрогнуть вполне. Торопливо вытершись, я надела халат, расчесала влажные волосы и покинула ванную, чтобы потрясенно застыть на пороге.

По моему сложившемуся после общения с миссис Энью мнению, эта женщина абсолютно всегда носила с собой набор для вязания. Однако, как оказалось, добрая жена доктора считает так же уместным и набор для вышивания хранить в необъятных глубинах своего ридикюля. В целом ридикюли женщин Севера начинали уже несколько пугать — у миссис Макстон там с незапамятных времен в запасе хранились свинцовые пудреницы, у миссис Энью — неисчерпаемый запас для рукоделия. И этому набору сегодня определенно нашлось применение.

— Сейчас-сейчас, — приговаривала супруга врача, со сноровкой, достойной восхищения и хирургического стола, орудуя скальпелем над расчлняемым платьем, — это распорем, тут добавим. Миссис Макстон, продели серебряную нить в ушко иглы?

Оставалось только гадать, известно ли доктору Энью о том, что один из его скальпелей хранится в ридикюле миссис Энью.

— Да-да, уже почти, — ответила моя домоправительница, старательно продевая нить.

Платье леди Давернетти, разложенное на столе, явно принесенном из кладовой, беспомощно ожидало своей участи, куски отрезанной скальпелем ткани от-

летали на пол, вид в целом был крайне удручающим. Впрочем, возможно, это было лишь моим субъективным мнением — мои мысли снова и снова возвращались к письмам от родителей. Отчего-то мне не было жаль моих стараний и посланий, но осознавать, что отец и матушка, не забыв обо мне, писали каждый день... Это осознание было сокрушительным. Но все что я могла сделать сегодня — гнать прочь от себя эти мысли. А завтра, вернувшись из поместья лорда Арнела, я непременно допишу это письмо и укажу новый адрес своего проживания. И мне будет больно, но это тоже будет завтра.

Потоптавшись на пороге и осознав, что поглощенные разрушением чужих коварных замыслов дамы не замечают меня вовсе, я вежливо произнесла:

— Добрый день, миссис Эньо.

— О, мисс Ваерти! — воскликнула та, не поднимая головы и продолжая кромсать кружево. — Надеюсь, вы в тапочках?

— Вы напрасно покинули ванну, моя дорогая, — тоже не поднимая головы и снабжая уже шестую иглу серебряной нитью, сказала миссис Макстон. — Полежите, отдохните, согрейтесь.

— О, — миссис Эньо подняла голову и впервые посмотрела на меня, — а может, мне позвать доктора Эньо? Что-то вы бледны, моя дорогая. Снова простудились?

Я лишь улыбнулась, вовсе не собираясь разбивать в прах ее искреннюю веру в то, что трансформация лорда Гордана привела лишь к легкой простуде, а не к жесточайшему воспалению легких, и поспешила успокоить:

— Со мной все в полном порядке, благодарю вас за заботу.

По правде говоря, о случившейся пневмонии не ведала даже миссис Макстон, иначе никто попросту не позволил бы мне подняться с постели. К счастью, в ту злополучную ночь доктор Эньо успел восстановить свой магический резерв и поутру спешно излечил меня, успев до того, как болезнь распространилась. Однако для меня до сих пор оставалось крайне неприятным осознание, что мой организм настолько слаб. Слишком много времени я провела с драконами и несколько позабыла о человеческих крайне ограниченных возможностях.

Стук во входную дверь, и едва мистер Уоллан открыл гостям, которые внезапно явились на три четверти часа ранее оговоренного времени, мы с миссис Макстон лишь взволнованно переглянулись. Но тут внизу послышалось:

— Леди Давернетти, лорд Давернетти, проходите в гостиную, я уведомя мисс Ваерти о вашем приходе.

Это оказались совершенно не те гости, которых мы ожидали!

— О, что вы, не стоит, — тут же прозвенел голосок леди Давернетти. — Моему сыну можно подать чай и даже виски, я же обойдусь без сопровождения, не утруждайте себя, я прекрасно дойду и сама.

И не обращая внимания на попытавшегося возразить мистера Уоллана, леди Давернетти — а судя по перестуку каблуков традиционных туфелек, это была именно она — поспешила к нам. И странное дело, ранее миссис Макстон непременно вышла бы навстречу незваной гостье, преградив путь. Ранее, но не сейчас.

Не в тот момент, когда моя миссис Макстон была в ярости.

Дверь в спальню широко распахнулась, являя нашим взорам саму леди Давернетти в парадном пышном платье и забавном кружевном, но выполненном из белоснежной шерсти чепце, и ее горничную, массивную крупную женщину средних лет, без труда удерживающую гору коробок всех размеров и форм.

— Дорогая мисс Ваерти! — радостно воскликнула леди Давернетти при виде меня.

Не успела я ответить, как моя экономка, не скрывая ни раздражения, ни злости, несколько даже угрожающе произнесла:

— Леди Давернетти!

Сухоньякая, чрезмерно подвижная драконница тут же перевела небесно-голубой невиннейший взор на мою домоправительницу и пропела:

— О, миссис Макстон, и вы здесь?!

Судя по прозвучавшему в голосе удивлению, миссис Макстон тут находиться определенно не должна была. А где же тогда должна?

И тут снова постучали во входную дверь, а едва мистер Уоллан открыл ее, раздалось:

— Посылка для миссис Макстон.

В любом ином случае почтенная экономка отправилась бы к посыльному, но в данный момент столь наглая подковерная игра привела к ожидаемому взрыву.

— Треклятые драконы! — взорвалась негодованием миссис Макстон.

— Наглые люди! — не осталась в долгу леди Давернетти.

— Да как вы смеете?! — возмутилась миссис Макстон.

— Как я смею?! — еще громче возмутилась леди Давернетти. — Вы совершенно напрасно заведомо обви-

нили нас! Посылка вовсе не от меня и Кристианчика, моя дорогая, это подарок от вашего наглого мистера Нарелла, который вынудил меня способствовать ее доставке. Вот с ним и разбирайтесь!

Миссис Макстон открыла было рот, тут же его закрыла и, покрываясь красными пятнами от негодования, повернулась к нашей гостье и обратилась практически с просьбой:

— Миссис Энбо, я могу доверять только вам.

— Глаз не спущу с нашей драгоценной мисс Ваерти, — заверила суровая супруга доктора.

И, покопавшись, извлекла из ридикюля... сковороду.

— Вы нравитесь мне все больше, — сделала громкое заявление миссис Макстон, после стремительно покинула мою спальню, вынудив посторониться и горничную, и леди.

К сожалению, она не уловила коварной усмешки, от которой не удержалась леди Давернетти, самолично захлопнув дверь за экономкой. И вот после этого драконица занялась мной.

— Мисс Ваерти, как вы себя чувствуете? — произнесла она, делая мягкий плавный шаг в мою сторону.

В то время как ее горничная, деловито пройдя в гардеробную, принялась, судя по шуму и шелесту упаковочной бумаги, извлекать вещи из коробок.

— Это Лиззи, ваша новая личная горничная, — проследив за моим взглядом, тут же поспешила сообщить леди Давернетти. — Моя дорогая, простите за вмешательство, но юной леди жизненно необходима личная горничная, и мне невдомек, отчего эта столь трепетно вами обожаемая миссис Макстон до сих пор этим не озаботилась. Это возмутительно.

Сдержавшись, я спокойно заметила:

— Боюсь, в плане того, что может быть воспринято как «возмутительное», я скорее буду на стороне миссис Макстон, особенно в данный момент.

И леди Давернетти поняла, что так же просто манипулировать мной, как перед балом у Арнелов, уже не выйдет.

— Мисс Ваерти, — она стянула перчатки, нервно скомкала их, затем взглянула мне в глаза и произнесла решительно, — вы несколько недооцениваете моего сына, и я полагаю, пришло время обсудить ваше несправедливое отношение к нему.

О, мой взгляд на леди Давернетти, боюсь, был непередаваемым. Что же еще я могла испытывать по отношению к лорду Давернетти помимо гнева, злости, негодования и вполне обоснованного раздражения? Увы, но, помимо всего этого, я, к своему огромному сожалению, испытывала еще и безумное сочувствие.

Подсушив волосы магией, я захватила гребень со столика у зеркала и предупредила миссис Энью:

— Мы оставим вас на несколько минут.

— Но миссис Макстон велела... — начала было супруга доктора.

— Прошу вас, всего несколько минут, — попросила я.

И, не дожидаясь ответа, направилась к двери.

Крайне заинтригованная леди Давернетти последовала за мной вначале прочь из моей комнаты, затем по коридору влево к чайной гостиной, находящейся на втором этаже и все еще пребывающей без окон — я сняла заклинание «Migim» лишь с некоторых комнат, закономерно опасаясь... и мне было кого опасаться.

— Шiumena! — произнесла, освещая помещение.

* * *

Едва леди Давернетти вошла, я закрыла дверь, после прошла к уютному дивану у глухой стены, где ранее было окно, и, указав гостю на место рядом, медленно села. Леди Давернетти последовала приглашению, всем своим видом выражая готовность внимать любому моему слову, но я обошлась практически без слов, спросив прямо:

— Как он?

И вся напускная веселость, вся бравада, все старательно демонстрируемое веселое настроение вмиг покинуло драконицу так, словно ветер сдул огонь со свечи, что только что сияла и вот теперь лишь пугает восковой белизной. Протянув руку, пожилая женщина сжала мою ладонь и, опустив взгляд, едва слышно прошептала:

— Плохо, мисс Ваерти, очень плохо.

Несколько мгновений она сидела, все так же опустив взгляд и словно бы желая высказаться и одновременно бороться с этим желанием, но решимость победила.

— Он практически перестал спать и едва ли ест. Говорит, что отобедал в ресторации, даже названия сообщает и количество заказанных блюд, но когда я посылаю Лиззи выпросить, выясняется, что мой сын не показывался ни в одном из ресторанов уже несколько недель. А кровать остается неразобранной, Лиззи проверяла. Это других горничных можно было бы обмануть, но не Лиззи — она сказала, что молодой господин не спал там уже около месяца. Несомненно, такое случалось и ранее, я говорю о том, что он не ночевал дома, мой сын — взрослый мужчина и... Ох, простите, мисс Ваерти.

Я сделала вид, что ничего не слышала.

Леди Давернетти, собравшись с духом, продолжила:

— В поместье Кристиан проводит время перед камином со стаканом виски в руках, практически как ранее, в те краткие моменты, когда бывал дома, но я мать, я вижу, как изменился его взгляд. Как изменилась его поза. И то, как он смотрит на огонь, когда полагает, что его никто не видит... Я спрашивала его много раз, но в ответ получала лишь: «Это служебные дела, они не подлежат обсуждению».

Все что я могла — лишь ободряюще сжать ее похолодевшую ладонь.

— И я не ведаю, что мне делать, мисс Ваерти, — продолжила леди Давернетти, — поистине он оживает, лишь услышав ваше имя. А сегодня, узнав, что я собираюсь к вам, он выплеснул виски в огонь и решительно настоял на том, чтобы сопровождать меня. Надеюсь, вы не сердитесь? — И она умоляюще посмотрела на меня.

— Что вы, нет, — прошептала в ответ.

Благодарно улыбнувшись, леди с затаенной мольбой спросила:

— А вы... мисс Ваерти, вы знаете, что... произошло? — Ее голос сорвался дважды на этой фразе.

Могла ли я промолчать? Могла ли оставить в неведении мать, снедаемую тревогой за своего единственного и горячо любимого сына? Я, которая сегодня узнала о том, что на протяжении всех шести лет родители ежедневно писали мне письма, сочла своим долгом уменьшить тревогу хотя бы одной матери в этом мире.

Грустно улыбнувшись, тихо сказала:

— Еще месяц назад я могла бы поклясться собственной жизнью, что на свете нет ужаснее, коварнее, чу-

довищнее и бесчеловечнее дракона, чем лорд Давернетти...

Леди Давернетти затаила дыхание, практически виновато взирая на меня. Я добавила:

— Но сейчас я вынуждена признать, что ваш сын является одним из самых добрых, отзывчивых и благородных джентльменов, которых я когда-либо знала.

— Ох! — едва ли не со слезами воскликнула леди Давернетти.

Однако я была вынуждена продолжить:

— Тем тяжелее для него оказалось узнать, что убийцей всех этих несчастных девушек был тот, кого в свое время лорд Давернетти искренне пожалел и оставил на службе в полицейском управлении.

Драконница замерла, лицо ее сделалось совершенно белым.

— С другой стороны, — поспешила я сгладить чудовищность сказанного, — именно проявленные к данному существу доброта и сочувствие спасли самого лорда Давернетти от участи быть убитым.

Но для умной женщины это, увы, не стало утешением.

— О, все золото мира, и сейчас он винит себя еще и в том, что вместо него погибли другие?! — прошептала леди Давернетти.

— Нет, — я отрицательно покачала головой, — во все нет, за него никого не убили, и никто не расплатился своей жизнью за жизнь вашего сына, об этом вам тревожиться совершенно не стоит. Лорда Давернетти злоумышленники планировали убить последним, но исполнитель попросту не сумел этого сделать, помня о проявленном к нему участии.

Ошеломленная леди Давернетти взирала на меня в абсолютном смятении, и я понимала, что сейчас, как

никогда, ее терзает страх, но прежде чем я успела продолжить, женщина торопливо спросила:

— Но убийца пойман, ведь так? И сейчас Кристиану уже ничего не угрожает, не правда ли? Хотя... О, дарящий благосостояние, о какой безопасности может идти речь, когда мой сын пребывает на такой должности!

Я тоже об этом подумала, но, дабы развеять все страхи леди Давернетти, поспешила успокоить:

— Поверьте, в данный момент более никто в принципе не способен нанести вред вашему сыну.

Голубые, почти прозрачные глаза драконицы потрясенно округлились, в глубине вертикальных зрачков читался немой вопрос, а губы были прикушены в отчаянном стремлении не проронить ни звука, дабы не помешать мне сказать еще хоть слово.

Что ж, надеюсь, я оправдала ее ожидания, сообщив:

— Лорд старший следователь ныне дракон, способный летать, в полном смысле данного выражения.

Окончательно потрясенная, леди Давернетти сдавленно прошептала:

— Как? Истинный дракон? Полноценный и способный летать дракон? Это не было иллюзией и в городе действительно появились летающие в истинной форме драконы? Подобное действительно возможно?! Кристиан обратился? Как?!

Как много вопросов. В некоторой степени я уже пожалела, что завела данный разговор.

— Профессор Стентон разработал схему проведения трансформации обратной. С небольшими доработками и изменениями данная система была опробована на драконах, и результат оказался ошеломляющим. В данный момент лорд Давернетти входит

в число тех, на ком трансформация была проведена, и поэтому я с уверенностью могу заявить, что вашему сыну ныне мало что способно угрожать. Скорее наоборот.

Несколько секунд леди Давернетти пристально смотрела на меня, а затем вдруг вкрадчиво спросила:

— И именно поэтому, потому что практически никто теперь не может угрожать Кристианчику, вы сорвались из дому поздней ночью в одних туфельках, и это в жесточайший мороз, и, несмотря на полное отсутствие способностей наездницы, примчались в управление полиции верхом, чтобы предупредить его об опасности?

Потрясенная ее осведомленностью, не в силах выговорить ни слова, я откинулась на спинку софы, в полном смятении взирая на леди Давернетти.

— Откуда вам это известно? — стало моим первым вопросом.

Леди попыталась придать своему бледному лицу выражение загадочности, после невозмутимости, затем даже коварства, но, пребывая в смятении, не сумела продолжить данную игру и, устало ссутулившись, произнесла:

— Анабель, моя дорогая Анабель, вы равнодушны к Кристиану, и мне давно об этом известно.

Что ж, я порадовалась тому, что сижу.

— С его стороны, — убежденно продолжила леди Давернетти, — определенно также имеется к вам некоторый интерес, но будем откровенны — единственное, что Кристианчик любит истово и самозабвенно, так это свою работу!

На этом леди не сдержала гневного вздоха, но ничем иным более свои чувства не выдала.

— Откуда мне это известно? — повторила она мой вопрос. — О, девочка моя, мне известно о многом, о весьма многом. Например, о том, что Лиззи, которую мне навязал мой ныне уже покойный свекор в день моей свадьбы и которую сегодня я отдаю вам, неоднократно и нередко приходилось спасать мою жизнь.

Теперь потрясенно молчала я, не менее потрясенно взирав на леди Давернетти.

— О, вы же не знаете. — Она грустно улыбнулась: — В Городе Драконов леди убирают соперниц вовсе не с помощью слухов и сплетен, как в вашем обществе. Здесь все немного... иначе. Яд в чашку с чаем, ядовитая игла при рукопожатии, гребень, от которого выпадают волосы, в подарок...

Яд в чай? Игла при рукопожатии?!

Внезапно меня посетила весьма здравая мысль о том, что я как-то более не горю желанием стать частью подобного общества. И желания стать миссис Гордан во мне тоже существенно поубавилось.

Матушка же лорда Давернетти вдохновенно продолжала:

— И главное правило в свете — кто не с нами, тот против нас. Дела обстоят так, мисс Ваерти, что все браки в Вестернадане происходят только с одобрения женщин, в ином случае... кто-то из двоих попросту не доживет до свадьбы. И поверьте, леди Гордан сделает все, чтобы до свадьбы с ее сыном не дожили именно вы.

— Господь милосердный, да вы, должно быть, шутите! — воскликнула обнаружившаяся в дверях миссис Макстон.

И мы с леди Давернетти даже не заметили ее появления, в равной степени потрясенные поведенной друг другу информацией.

— Про леди Гордан? — несколько рассеянно уточнила леди Давернетти. — О, разве вы не знали?

Мы не знали. Миссис Макстон, прикрыв дверь за собой, подошла к нам, придвинула стул от ближайшего столика и села, готовая внимать и слушать, мне же все так же был интересен скорее ответ на вопрос, откуда леди Давернетти стало известно о том, что я примчалась ночью, дабы предупредить лорда Давернетти.

И к моему искреннему изумлению, драконица каким-то образом поняла это, лукаво улыбнулась мне и пояснила:

— Кристиан рассказал. Разбудил в ту же ночь и поинтересовался, какой у вас размер ноги и в каком магазине в Вестернадане лучше всего купить самую теплую обувь. Как вы понимаете, прежде чем ответить, я потребовала объяснений.

О да, теперь мне все было понятно.

— Благодарю за ответ. — Я улыбнулась.

— Извольте теперь предоставить ответ на мой, пусть и невысказанный, вопрос! — воинственно потребовала миссис Макстон.

Леди Давернетти повернулась к ней, тяжело вздохнула и произнесла:

— Миссис Макстон, что вам известно о таком учреждении, как «вдовый дом»?

Мне ничего не было известно, но моя экономка, судя по выражению лица, что-то знала и поэтому кивнула:

— Продолжайте.

И леди Давернетти продолжила:

— Лорд Гордан-старший, как всем известно, относится к своей супруге весьма... специфичным образом, а потому, как только в Гордан-холле появится новая хозяйка, миссис Гордан должна будет переехать

на окраину Вестернадана, лишившись большей части своей прислуги, и удовлетворившись весьма скромным содержанием. Мне неизвестно, что произошло между этими двумя, но именоваться «леди» миссис Гордан прекратит в тот момент, когда ее сын женится.

Мы с миссис Макстон напряженно переглянулись.

— Досадно, — высказалась моя домоправительница.

— И не говорите, — поддержала леди Давернетти. — Вот такое чудовищное место этот Гордан-холл. Другое дело поместье Даверн-холл! В моем доме вас обожает вся прислуга, мисс Ваерти, а для меня вы будете как дочь, и я уже приказала начать отделку детской! Вам, безусловно, понравится! И пусть Кристиан любит лишь свою работу, но вы совершенно не будете испытывать одиночества, поверьте! К тому же я гарантирую, что мой сын будет хорошо относиться к вам, а это гораздо важнее столь мимолетного явления, как влюбленность!

Я сидела, предпочитая вести себя так, словно ничего не услышала, зато миссис Макстон заявила прямо:

— Жаль вас расстраивать, леди Давернетти, но ваш сын по уши, уж поверьте моему опыту, по самые свои драконьи уши влюблен в мою мисс Ваерти!

Леди Давернетти сделалась бледнее кружев ее собственного чепца.

Затем медленно, словно во сне, она повернула голову ко мне и спросила:

— Это... это правда?

Что ж, отмалчиваться смысла не было, и потому я ответила:

— К счастью — да.

— К счастью?! — возмущенно переспросила леди Давернетти.

— Конечно, — я даже кивнула в знак подтверждения, — ведь теперь, по словам лорда Давернетти, он никогда не женится на мне.

Леди Давернетти решительно поднялась, не скрывая своего возмущения, и вдруг совершенно немислимым образом успокоилась, величественно опустила обратно на мягкую софу и с самой невинной улыбкой поинтересовалась:

— Так что вы там говорили про то, что теперь Кристианчик уже полноценный, обретший крылья дракон?

Я внезапно и полномасштабно испытала чувство глубочайшего сожаления по поводу своей откровенности.

— Дракон, способный летать? — продолжила между тем леди Давернетти. — Хм, как интересно... И своевременно. Что ж, в таком случае, полагаю, нам понадобится еще и вторая детская, а возможно, и третья! Какой замечательный день!

И она выпорхнула прочь, оставляя и меня, и миссис Макстон в полнейшей растерянности. И воистину было от чего растеряться. Дело об убийствах в Вестернадане было завершено. Нам удалось вычислить и остановить Зверя, убивавшего девушек, Лаура Энсан находилась в тюремном заключении, а лорд Гордан, проявив свою истинную суть, стал полноценным драконом, над которым сущность Зверя уже не имела никакой власти.

И мне казалось, что все кончено!

Несомненно, определенной угрозой оставался лорд Арнел с его драконьим упрямством и совершенно неджентльменским поведением, но, учитывая все произошедшее, я была убеждена, что в ближайшее время градоправитель Вестернадана и его неимоверно до-

бросердечный старший следователь будут заняты противостоянием с герцогом Карио, в котором мне, откровенно говоря, не было места. Не мне, слабому магу шестого уровня, вмешиваться в битву тех, чья сила исчислялась сотнями баллов по шкале магизмерителя. Ко всему прочему я не могла покинуть Железную Гору и была лишена возможности переселения в принципе, так что приходилось смиренно принять перспективу своего проживания в Вестернадане всю оставшуюся жизнь.

С другой стороны, приняв предложение лорда Гордана, я хотя бы обретала надежду на то, что моя жизнь продлится дольше, чем отмеренный до обнародования завещания год. Более того, согласившись стать женой младшего следователя, я получила и возможность влиться в местное высшее общество. И за истекшие недели мы приложили невероятное количество стараний, дабы задуманное удалось исполнить, но слова леди Давернетти сокрушили всю мою решимость добиваться «достойного» положения.

Несомненно, мне и ранее было известно о различиях между человеческим обществом и приличным обществом драконов, но с первого взгляда отличия не казались столь уж существенными. Девушкам запрещалось находиться наедине с джентльменами и у драконов, и у людей. Так же строгим табу являлись проявление интереса, признания иначе, чем иносказаниями, кокетство, несоответствие положению и нарушения этикета. На мой дилетантский взгляд, различий не было в принципе: безупречная нравственность, скромность, приверженность этикету приветствовались, несоответствие своему положению, вульгарность манер и инициативные девицы — порицались.

По мнению высшего общества, как в империи, так и в Вестернадане, незамужняя леди благородного происхождения обязана была быть томной, вялой, лишенной собственных устремлений, покорной целям родителей и достойной снисходительно-одобрительных взглядов почтенных матрон. Эдакий болезненно-бледный идеал, с трудом поднимающийся с дивана, а то и вовсе не имеющий сил и желания подняться и просиживающий среди подушек в ожидании появления того самого идеального джентльмена, что подаст руку помощи этому в высшей степени беспомощному созданию. Впрочем, в драконьем высшем обществе имелось одно отличие: мужчина не мог протянуть руку и коснуться руки девушки, так что оставалось весьма интригующей загадкой, с помощью кого или чего девица на выданье все же обретала возможность встать с дивана в гостиной.

В любом случае я к подобным девушкам не относилась. К сожалению, я являлась той самой пресловутой инициативной девицей, что порицалась как у людей, так и у драконов. И потому мне, моим домочадцам и лорду Гордану пришлось приложить немало усилий, чтобы организовать этот прием, первый в череде регламентированных и обязательных мероприятий официального ухаживания, которые должны были предшествовать объявлению о помолвке. И я пребывала в полной уверенности, что справлюсь с этой ответственной задачей... ровно до слов леди Давернетти.

Прижав ледяные пальцы к вискам, я простонала:

— У меня от всего этого голова кругом.

— О, боюсь, я в полной мере вас понимаю. — Миссис Макстон опустила на софу рядом.

Помолчав, она осторожно заметила:

— Леди Давернетти отводилась совершенно иная роль на данном мероприятии.

— А лорда Давернетти здесь не должно было быть вовсе!

— И что скажет лорд Гордан теперь? — пробормотала миссис Макстон.

— Меня гораздо больше пугает то, что может сказать лорд Давернетти, — была вынуждена признать я.

И тут внизу послышался стук, затем входную дверь распахнули и мистер Уоллан громогласно и торжественно произнес:

— Лорд Гордан!

Мы с миссис Макстон переглянулись, и она поняла меня без слов.

— Я отвлеку старшего следователя, — решила она.

— Мне хватит и пяти минут, — заверила я.

Дальнейшее противоречило всем правилам хорошего тона, морали, этики и всего, что отличало respectable дом от напрочь лишенного репутации. Миссис Макстон, торопливо спустившись вниз, поспешила в основную гостиную и, «случайно» закрыв дверь за собой, громко осведомилась у леди и лорда Давернетти, не желают ли они чаю. Полагаю, еще никто и никогда не задавал им подобный вопрос с громкостью уличного продавца газет, и мистер Уоллан едва не выронил шляпу лорда Гордана от подобного поворота событий, а вот трость он не удержал, когда я, перегнувшись через перила, шепотом позвала:

— Лорд Гордан!

Младший следователь соображал быстро. Отдав дворецкому и плащ, он бесшумно взбежал вверх по лестнице и так же бесшумно последовал за мной в кабинет профессора Стентона. И даже когда я закрыла

за ним дверь и призвала заклинание света, лорд Гордан все еще хранил молчание. Учитывая все вышесказанное, наша беседа наедине в глазах общества однозначно являлась свидетельством потери моей репутации, и я с грустью подумала о том, что для приличного общества я, вероятно, так и останусь падшей женщиной. В столице моя репутация была напрочь уничтожена профессором Стентоном, в Вестернадане же, судя по всему, пугающее высшее общество драконов не даст мне и шанса реабилитироваться.

И, вероятно, мне следовало бы честно сообщить о своих опасениях лорду Гордану, но к организации этого вечера он приложил не меньше сил, чем все мы. И я не решилась сообщить ему, что все усилия, вероятно, напрасны. В конце концов, один Господь ведает, что ожидает меня впереди, но раз уж я дала обещание, следовало хотя бы попытаться.

И потому, не став говорить о своих сомнениях, я озвучила лишь самую насущную проблему:

— С леди Давернетти приехал и лорд Давернетти.

— Я знаю, — спокойный тон дракона и на меня подействовал успокаивающе, — именно поэтому я прибыл ранее моих родителей.

Судорожно вздохнув, прошла к столу, присела на его край и была вынуждена признать:

— Не уверена, что в компании лорда Давернетти ужин пройдет соответствующе.

Впрочем, я утратила всякую веру в то, что вообще хоть что-то путное выйдет из этой затеи.

— Абсолютно уверен, что не пройдет, — высказался лорд Гордан.

Затем подошел ко мне, прикоснулся к подбородку, заставляя взглянуть себе в глаза, и произнес:

— Анабель, что бы ни произошло, это в любом случае будет в полной мере соответствовать нашему плану, не тревожьтесь.

Увы, поводов для тревог имелось предостаточно.

Глядя на лорда Гордана, я в очередной раз вспомнила сказанное градоправителем Вестернадана:

«Вы правы, Анабель, у меня много общего с профессором Стентоном. И потому вы должны понимать — если лорд Гордан продолжит «мило и трепетно» ухаживать за вами, он будет иметь дело со мной».

Данные слова стали главной причиной моего стремления как можно скорее провести сознательную трансформацию остальных драконов из числа тех, кому доверяли лорд Арнел и лорд Давернетти. Ведь только это могло ускорить момент, когда театр событий будет перенесен с Железной Горы в столицу и начнется прямое противостояние лорда Арнела и герцога Карио. И вот тогда времени на мысли обо мне у главы этого города не останется вовсе.

— Как вы себя чувствуете? — стараясь скрыть улыбку, неизменно возникающую при мысли о том, что я все же сумею провести лорда Арнела, тихо спросила я.

— Немного устал, — не стал скрывать правду младший следователь.

Оглянувшись на дверь и произнес задумчиво:

— Удивлен, что старший следователь все еще на ногах.

Я в некотором смысле тоже была удивлена этому факту, потому как трем полноценным драконам Вестернадана приходилось нелегко — на их плечи и крылья ложилась и охрана Железной Горы, и отслеживание путей, по которым из города вывозили похищенных детей, и многое другое. Возможность летать,

к моему искреннему изумлению, оказалась не единственной способностью трансформированных драконов. Лорд Арнел находил людей. Даже паря выше облаков, он с невероятной точностью обнаруживал разыскиваемого или же тех, кто пытался проникнуть на территорию Железной Горы. А так же, к моему сожалению, мэр Вестернадана оказался способен ощущать любые колебания в магическом поле, что крайне мешало моим собственным планам. У лорда Давернетти проявились способности к ощущению пространства, и именно он видел пустоты тайных проходов, уничтожать кои приходилось лорду Гордану, в котором открылся дар управлять скальной породой.

— Сколько тайных ходов обнаружили сегодня? — поинтересовалась я.

— Всего четыре, — кратко ответил лорд Гордан. — Практически подошли к завершению.

О да, в первый день потайные ходы уничтожались десятками, и лорду Арнелу пришлось в буквальном смысле слетать и принести обессиливших следователей, а мне — оторваться от схемы сознательной трансформации, которую я доводила до идеала, готовясь к массовой трансформации, и обучать обоих драконов основам магической регенерации. Но я не возражала, ведь пока лорд Гордан и лорд Давернетти находились на земле, лорду Арнелу приходилось нести дежурство в небе, так что я была избавлена от чрезмерной опеки неведомо как прознавшего о моей пневмонии дракона.

Однако теперь я восстановилась и собиралась проводить трансформацию массово. Иного выбора не было. Лорд Арнел и лорд Давернетти дважды предприняли попытку использовать мою схему самостоятельно,

и ничего путного из этого не вышло. Так что общим решением стало то, что трансформации придется проводить мне, исключительно мне, в ином случае драконы застревали в стадии контроля над сущностью. А я оказалась не готова к мысли о том, что перспективой на ближайший год станет еженощное магическое истощение, поэтому адаптировала имеющуюся схему под массовую, опираясь на опыт, полученный во время моей работы с профессором Стентоном. И воплотить задуманное в реальность планировалось в самое ближайшее время.

— Сегодня вы... сопровождаете меня к поместью Арнелов? — уточнила у лорда Гордана.

— Увы, нет, — последовал ответ.

Его «увы» было всего лишь данью хорошим манерам. На деле же младший следователь не настолько доверял себе, чтобы взять на себя риск перемещения меня по воздуху. Это было прерогативой исключительно лорда Арнела, но сегодня лорд Давернетти находился здесь, а не в небе, и я понятия не имела по какой причине. У меня ни единого предположения не имелось на данный счет, а более всего смущало отсутствие желания выяснять эти причины.

Я устала.

Безумно, бесконечно, невыносимо устала. Ко всему прочему информация о письмах от моих родителей потрясла меня куда больше, чем слова леди Давернетти о высшем обществе Вестернадана, и в данный момент я ощущала себя как человек, напрочь лишившийся опоры под ногами.

— Как вам статья? — учтиво поинтересовался лорд Гордан, подыскав достойный повод для возобновления беседы.

— Еще не имела чести ознакомиться, — несколько отстраненно ответила я.

— Ознакомьтесь, — порекомендовал младший следователь, — полагаю, сможете почерпнуть для себя множество фраз, речевых оборотов и подходящих случаю слов.

Смогу, но стоит ли?

И я не удержалась от вопроса:

— Что такое «вдовый дом»?

Полицейский помрачнел.

— Леди Давернетти беседовала с вами? — уточнил он.

Мне не было смысла отрицать очевидное, и я промолчала.

— Мисс Ваерти, — дракон с ледяным спокойствием смотрел мне в глаза, — вам известно о моем отношении к женщине, которая никогда не была мне матерью.

— И ваш отец подобное отношение... — начала было я.

— Полностью разделяет, — достаточно жестко и прямолинейно сообщил лорд Гордан.

Покачав головой, тихо произнесла:

— Это все просто ужасно.

— Подозреваю, что леди Давернетти была излишне откровенна, — задумчиво высказал младший следователь.

— Судя по вашей реакции — определенно недостаточно откровенна, — возразила я.

И, прижав холодные ладони к лицу, попыталась успокоиться.

— Анабель, — лорд Гордан мягко прикоснулся к моей руке, — мы можем вовсе отменить данный ужин,

и вы отдохнете еще несколько часов перед... коллективной трансформацией.

Видит Господь, меня это не радовало, как, впрочем, и драконов, но в подземельях поместья Арнелов уже бились два основательно поврежденных дракона, и этого хватило Арнелу и Давернетти для того, чтобы любезно оставить все научные опыты ученым. Пусть даже единственным подходящим ученым была я.

— Как лорд Бастуа и лорд Эдингтон? — тихо спросил лорд Гордан.

Что я могла ответить ему на это? Младший следователь лорд Эдингтон, напарник и давний друг лорда Гордана, был чудовищно изранен во время нападения Зверя на полицейское управление, и даже доктор Эньо не поставил бы и пенса на его жизнь. А потому лорд Арнел рискнул и начал первичную трансформацию по моей схеме, но без меня. В результате в огромном подземелье бесновался багрово-черный дракон исполинских размеров, реагирующий на любые слова и обращения исключительно агрессией. Безмерной, неконтролируемой, чудовищной агрессией. И мне еще только предстояло выяснить, существует ли шанс вернуть ему сознание и осознанность, ведь сейчас ни времени, ни, соответственно, возможности вплотную заняться им у меня не было. Произошедшее с лордом Бастуа было по-своему гораздо хуже. Выступивший с инициативой стать первым, кто пройдет трансформацию, старший следователь прошел ее лишь частично. И, несомненно, опыт, проведенный лордом Давернетти, был в некоторой степени успешен, ведь лорд Бастуа сохранил и разум, и самосознание, и... человеческую голову. В самом прямом смысле данного выра-

жения. Но с одним существенным недостатком — провести обратную трансформацию Давернетти не смог, как, впрочем, не сумела и я.

— Не знаю, что делать, — призналась лорду Гордану. — Нужны опыты, исследования, потребуется прямой контакт с подвергаемым опытам... и Господь ведаёт, что ещё.

— Время? — предположил полицейский.

И это время мы сейчас старательно пытались выиграть. Время. Мы уже упустили его. И я безумно корила себя за то, что не догадалась о причастности герцога Карио к убийству леди Карио-Энсан сразу же. Ведь могла бы. Действительно могла бы. Потому как единственный, кто в тот вечер на балу у Арнелов был абсолютно уверен в смерти леди Елизаветы, — это её отец. И мне следовало обратить внимание на данный факт. Следовало.

— Анабель, — очень мягко позвал лорд Гордан.

В нарушение всех правил морали и этикета я сделала шаг и уткнулась лбом в плечо дракона.

Один шаг... а наш враг опережал нас уже как минимум на десяток. И в отличие от лорда Арнела, у него из ученых имелась не только я, у него в распоряжении была вся мощь магической теории, все столичное ученое сообщество и даже все разработки университета Генверт — чудовищные, нечеловеческие, страшные, но весьма эффективные.

— От вас веет ароматом мяты, — прикасаясь к моим волосам, но, как истинный джентльмен не прикасаясь ко мне, заметил лорд Гордан.

— Бетсалин несколько перестаралась с моей ванной. Запах неприятен? — Я взволнованно посмотрела на дракона.

— Нет, — едва заметно улыбнувшись, ответил полицейский. — Но он перебивает ваш запах, и вот это уже несколько неприятно.

— М-м-мой запах? — очень сложно было вернуться мыслями от интриг герцога Карио к моменту «устройства» моей личной жизни. — И какой же у меня запах?

Осторожно прикоснувшись к моей щеке, лорд Гордан тихо ответил:

— Вы пахнете счастьем, Анабель. И весной. Очень ранней, но бесконечно счастливой весной.

Улыбнувшись, судорожно вздохнула. Нужно было собраться и приступить к игре, в которой все роли уже были распределены и определены. И оставался лишь один нюанс, о котором не было известно ни лорду Арнелу, ни лорду Давернетти, ни даже моей обожаемой миссис Макстон: спустя положенное после помолвки время мы с лордом Горданом тайно спустимся к подножью Железной Горы и в Рейнхолле заключим брак. Законный для империи и крылатого народа брачный союз. И глава Вестернадана ничего не сможет с этим поделаться, потому как будет занят.

— Все получится, — тихо заверил меня лорд Гордан.

«Вы станете моим мужем», — не веря самой себе, мысленно произнесла я.

Видит Господь, я, в отличие от прочих невинных девиц, боялась вовсе не брачной ночи... я боялась того момента, когда о моем браке станет известно лорду Арнелу. В итоге я представляла себе вовсе не свадебный обряд и произнесение обоюдных клятв, а ярость дракона, который в данный момент считает, что он не проиграл и не проиграет в принципе.

— Главное, чтобы в нужный момент вы сказали мне «да», — пошутил мой нареченный.

— Главное, чтобы после моего «да» мэрия Рейнхолла продолжила свое существование, — неловко отшутилась.

Поведя плечом, лорд Гордан безмятежно сообщил:

— По моему мнению, мэрии Рейнхолла давно требуется ремонт.

— Какой? — с нервным смехом полюбопытствовала я.

— Капитальный, — улыбнулся дракон.

— Главное, чтобы не основательный, — высказала собственное мнение.

— Основательный? Хм. Говоря откровенно, здание в принципе расположено не в самом лучшем месте, и там весьма неплохо будет смотреться, к примеру, ботанический сад.

Ох, это был уже вовсе не повод для шуток.

— Вы полагаете, что все может пойти так далеко? — абсолютно серьезно спросила его.

— Я полагаю, что мы справимся, Анабель, — так же серьезно ответил лорд Гордан.

«Миссис Анабель Гордан», — нервно проговорила про себя.

Будущая миссис Гордан, которая уже сейчас видит в кошмарах, как в момент подписания брачного соглашения распахиваются двери и врывается лорд Арнел... Дальнейшее в моих кошмарах было кошмарно настолько, что я просыпалась чуть ли не с криком и, по счастью, благодаря пробуждению не досматривала кошмарный сон до конца.

— Вы вся дрожите, — констатировал младший следователь.

— Это нервное, — заверила я.

— В таком случае, полагаю, этот ужин все же стоит отложить? — Сказано было полувопросительно, но мы

оба понимали, что решение остается за лордом Горданом.

И все же:

— Полагаю, стоит придерживаться оговоренного плана, — высказалась я.

Но неделю назад этот план казался мне гораздо легче и безопаснее, чем сейчас. Возможно, потому что неделю назад мне еще не снились кошмары о том, что произойдет, когда все станет известно лорду Арнелу.

— Вас заберет лорд Давернетти? — уточнил лорд Гордан.

— Нет, лорд Арнел прибудет к одиннадцати.

И меня ожидает еще один полет на драконе. Это сэкономило время — более полутора часов сэкономленного времени на путь в поместье Арнелов. И еще полтора часа экономии на обратном пути. Жаль, что экономия времени вовсе не означала экономию моих нервов, но мы были на войне, а на войне такие несущественные мелочи, как страх высоты, никого не волнуют. Впрочем, я и не делилась своими страхами с лордом Арнелом. Единственным, с кем я делилась переживаниями, был лорд Гордан, единственным, кому я могла рассказать все, был лорд Гордан, единственным, кто точно никогда и ни за что не осудит, был лорд Гордан. И жизнь в браке с ним представлялась мне тихой уютной гаванью, с совместными завтраками, рождением детей, зимними праздниками, в которые под раскидистой елью наши малыши будут разворачивать свои подарки, а мы с супругом, сидя у камина, будем обмениваться счастливыми улыбками и взглядами, радуясь радостям своих детей. И это было бы прекрасно — мечтать о своем будущем, о детях и о тихой

семейной жизни, но... страшной черной тенью над моим будущим спокойным счастьем нависал неумолимый лорд Арнел. И он пугал меня существенно больше, нежели особенности высшего общества Вестернадана.

— Анабель, — лорд Гордан привлек меня к себе и обнял вовсе не чинно и пристойно, как поступал до этого, а искренне и нежно, стараясь успокоить и ободрить, — брак — это то, что никто и никогда не посмеет оспорить.

О, боюсь, я знала тех, кто посмеет. Как минимум одного.

— В крайнем случае, — теплое дыхание дракона коснулось моих волос, — сбежим к оборотням. Точнее — слетим.

— Слетаем, — с улыбкой поправила я.

— Мы же на горе, и нам придется спускаться вниз. К тому же «слетим» звучит забавнее, — не согласился полицейский.

Что ж, в этом я была с ним полностью согласна.

Легкое прикосновение к моей щеке и повторный совет:

— Прочитайте статью.

— Непременно, — заверила я.

Лорд Гордан кивнул и покинул кабинет профессора Стентона, обернувшись на пороге. Я слабо улыбнулась, без слов заверяя, что пребываю в полном спокойствии и порядке. Не то чтобы мне поверили, поэтому лорд Гордан одними губами произнес: «Я рядом».

Сопроводив его уход тяжелым вздохом, я обернулась к столу и, отыскав нужную газету, вытянула ее из стопки бумаг. Забавная особенность — в то время как в столице империи имелось девять периодических

изданий, делящихся на утренние, дневные, вечерние новости, желтую прессу и иллюстрированные полицейские новости, будоражащие воображение и отнимающее спокойствие у наиболее впечатлительных граждан, в Вестернадане работало всего одно типографское учреждение, печатающее всего одно издание, которое совмещало в себе всё: дневные, вечерние и выпускаемые субботним вечером итоговые новости, серьезные статьи, сплетни и репортажи. Серьезное смешивалось с несерьезным, и традиционно все это сопровождалось иллюстрациями, которые и отличали итоговый выпуск от всех прочих.

И совершенно неожиданным оказалось то, что самой важной новостью за всю прошедшую неделю стала я!

«Воскресный полдень был в самом разгаре, из храмов выходили после утренней мессы человеческие жители нашего достойнейшего города, разъезжались по светским раутам и приемам почтенные потомки отцов-основателей Вестернадана, беспечно играли в заснеженном городском парке дети под строгим присмотром готовых ко всему гувернанток... но даже последние оказались совершенно не готовы к произошедшему далее!»

Сколь много пафоса и сколь ужасный слог, подумалось мне.

Читать далее не было никакого желания, и я бы во все швырнула это издание куда-нибудь в камин, потому как картинка, иллюстрирующая описываемое событие была... мягко говоря, вызывающей желание сходить к редактору «Illustrated News» и побеседовать лично и совершенно не вежливо. На картинке была изображена миссис Макстон, раза в три поболее име-

ющихся объемов, несущая на крестообразном шесте черную ночную сорочку, следом, брезгливо придерживая платье, под которым имелись демонстрируемые всем полосатые синие чулки истинной старой девы, двигалась я, а за мной, истекая потом с выражением максимального трагизма шествовали мистеры Уоллан, Илнер и Оннер. Они с трудом несли три внушительных сундука, на которых имелась надпись: «Секретные материалы профессора Стентона».

«ОНА ОТДАЛА ВСЕ!!!» — гласил основной заголовок статьи.

Если бы кто-то потрудились просмотреть утренние и дневные новости за тот же день, обнаружил бы краткую заметку о том, как мисс Анабель Ваерти публично передала все научные разработки, монографии, описания и прочие труды профессора Стентона работникам мэрии. Да, это был сундук, картонный, внушительный, но достаточно легкий для того, чтобы я могла попозирировать с ним в руках перед фотокорреспондентами. Но куда там! Увиденная мной иллюстрация затмевала любые официальные снимки! О, сколько драматизма она несла! Сколько информации! Сколько поводов для досужих разговоров и предположений! К примеру, я и миссис Макстон выглядели гордыми и довольными, а вот мужская половина нашего дома явно терзалась угрызениями совести по поводу того, что предали своего хозяина и господина, дракона, подарившего им крышу над головой. И нет, я не придумала это сама — внизу, под иллюстрацией, имелась расшифровка каждой детали рисунка. И лишь прочтя ее, я обратила внимание на то, что одна из гувернанток, засмотревшись на наше шествие, не успела поймать падающего с дерева малыша и тот лежит на снегу со сломанной

шеей, а невдалеке молодая мать теряет сознание при виде этой трагедии. В другой же части иллюстрации кот сидел на дереве, жуя только что пойманную птицу, а та продолжала кричать, моля о спасении, но спасения не было. В довершении ко всему на дереве паук доедал муху, пойманную в сеть! Помилуй, Господи, но откуда в заснеженном саду в лютый мороз взяться как пауку, так и мухе?!

Воистину, после подобного мне совершенно не хотелось читать, что там будет далее в этом чудовищном литературном шедевре желтой прессы, но текст оказался разительно отличающимся от отвратительной иллюстрации:

«Несомненно, мы все должны признать один неоспоримый факт — мисс Анабель Ваерти весьма быстро и профессионально провела научные изыскания и определила, что чудовищный ночной маньяк убивает лишь девушек в белых ночных сорочках! Острейший ум, удивительная для столь юной особы проницательность — и открытие, остановившее гибель жителей Вестернадана!»

Я перечитала дважды, ища, где во всем этом подвох, и, к своему удивлению, не обнаружила его.

Далее в статье сообщалось:

«Излишне говорить, что, несмотря на свой моральный облик и весьма сомнительную репутацию, мисс Ваерти оказалась весьма полезна Вестернадану и его жителям. Но если юная мисс столь умна, могла ли она поддаться чарам профессора Стентона и очернить себя статусом его незаконной жены или же в действительности все было куда пристойнее и почтенный дракон действительно имел с девушкой исключительно профессиональные отношения? Этот во-

прос уже которую неделю будоражит умы в нашей редакции!»

Я присела на край стола, с неожиданно возникшим интересом вчитываясь в слегка размытые от непогоды строки:

«Наш срочный корреспондент выехал в столицу для сбора информации о личности столь неожиданно и спасительно появившейся в нашем городе мисс Анабель Ваерти. Какие новости он привезет? Каким будет результат журналистского расследования? Правда ли, что профессор Стентон обманом разлучил юную ассистентку Ваерти с ее женихом? И что скрывается за образом милой и приветливой, обремененной высшим образованием девушки в голубом?»

И я поняла, почему лорд Гордан порекомендовал мне прочесть данный... опус. Все эти вопросы или как минимум часть из них в обязательном порядке прозвучат сегодня на званом ужине. Об этой статье едва ли знали лорд Арнел и лорд Давернетти, занятые куда более важными делами, чем чтение прессы, но дамы Вестернадана, несомненно, были в курсе.

Но одного я понять не могла — откуда? Откуда такое желание выпустить материал, публикацию коего определенно не одобрит Арнел? Откуда информация о моем женихе, поданная в подобном ключе? В столице ходили устойчивые слухи о том, что Жорж бросил меня, как не оправдавшую надежд и доверия, и только. Но еще непонятным было, почему демонстрируется столь явное желание привлечь внимание к журналистскому расследованию?

Задумчиво я вышла из кабинета профессора, все так же держа газету, и крикнула, приблизившись к перилам:

— Себастиан!

Это было ошибкой. Большой ошибкой с моей стороны. Стараясь скрыть свои замыслы и планы, я не называла лорда Гордана по имени даже мысленно, но, поддавшись нахлынувшему подозрению, допустила чудовищный промах. И кара небесная не заставила себя ждать.

— «Себастиан»? — язвительно переспросил вышедший из гостиной лорд Давернетти.

В руках у него был вовсе не чай, а янтарный бурбон, охлаждаемый кубиками льда, в глазах — нескрываемое растущее подозрение. Вышедший вслед за ним лорд Гордан учтиво произнес:

— Да, Анабель. Что-то случилось?

Все еще нервничая по поводу возникшего у старшего следователя подозрения, я вежливо попросила лорда Гордана:

— Закройте дверь.

Дракон вопросительно указал на дверь в гостиную, где находилась сейчас леди Давернетти. Я утвердительно кивнула. Младший следователь любезно исполнил просьбу, старший следователь не менее любезно наложил на дверь изолирующее любой звук заклинание. Оба были крайне любезны.

— Эта статья, — я качнула газетой, — вызывает некоторые вопросы.

— Определенно, — согласился лорд Гордан.

— Боюсь, я не об этом, — была вынуждена признать я. И, облокотившись о перила, зачитала: — «Наш срочный корреспондент выехал в столицу для сбора информации о личности столь неожиданно и спасительно появившейся в нашем городе мисс Анабель Ваерти. Какие новости он привезет? Каким будет результат журналистского расследования? Правда ли, что про-

фессор Стентон обманом разлучил свою юную помощницу с ее женихом?»

Лорд Гордан, прослушав то, что уже, несомненно, читал, произнес лишь:

— И что?

Реакция лорда Давернетти была абсолютно иной.

— Черт! — выругался он, зашвырнув бокал с бурбоном куда-то в глубину дома, где тот разбился, судя по звуку, о стену. — Журналиога! Треклятый журналиога!

В следующее мгновение Давернетти ринулся к выходу, не обременяя себя такой несущественной мелочью, как шляпа и плащ. Но остановила я его не поэтому — у Давернетти с ростом могущества выходили на редкость раздражающие заклинания, снять которые становилось крайне непростой задачей, и потому любезно наложенное им на двери заклинание проще было попросить снять дракона, чем страдать после над ним самостоятельно.

— Лорд Давернетти, — устало позвала я.

— Прости за бокал, принесу другой, — отозвался он, распахивая входную дверь.

Страдальчески вздохнув при мысли о том, сколько «бокалов» принесет отличающийся в плане дарения любовью к существенным масштабам старший следователь, я напомнила:

— Заклинание.

Дракон остановился, прошипел деактивирующую формулу, взглянул на меня неподобающим изучающее-пристальным взглядом и произнес возмутительное:

— Тебе идут распущенные волосы, Бель.

Провокационное заявление, переход на «ты» и явное предвкушение моего ответа.

Напрасно он ожидал гнева или раздражения, я лишь мило улыбнулась и пожелала:

— Благополучного полета, лорд Давернетти.

Но если в мире и существуют драконы, предпочитающие сдаваться, то Вестернадан определенно не являлся местом их обитания.

— Халат весьма примечательный так же, особенно если принять во внимание, что под ним ничего нет, — продолжил глава полицейского управления.

Но нет, меня более так просто не задеть.

— Вы ошибаетесь, но это не имеет никакого значения, лорд Давернетти. Зная вас, вынуждена напомнить, что вам не впервой ошибаться, не так ли?

Удар был жестоким, но и ему не стоило так нагло лгать об отсутствии одеяния под моим халатом.

Глаза старшего следователя полыхнули зеленоватым сиянием, лицо приняло весьма угрожающее выражение, но продолжать перепалку лорд Давернетти не стал. В отличие от лорда Арнела, он все еще находился под действием «Dazzle» и потому в полной мере видеть меня не мог. Слышать, угадывать по расплывающемуся силуэту, но отчетливо видеть — нет. Я догадывалась, что он старательно пытается подобрать ключи к «Dazzle», и именно по этой причине его заклинания становятся все сильнее, но разве можно подобрать ключ к обычному куриному яйцу? Нет. И потому я прекрасно знала, что все усилия напрасны. Знала, но сообщать об этом дракону не собиралась вовсе.

— Сообщишь Арнелу, — хрипло приказал лорду Гордану Давернетти, собираясь покинуть мой дом.

Последний взгляд на меня, и дракон шагнул в метель.

— Я все уберу! — крикнула откуда-то Бетси.

— Спасибо, — поблагодарила, искренне признательная за то, что не придется делать это магически.

Лорду Гордану тоже следовало меня покинуть, выполняя приказ руководства, однако, в отличие от своего начальства, Себастиан все же нашел в себе силы признать:

— Анабель, я мало что понял.

— Увы, я тоже, — сообщила задумчиво. — Но кто-то явно покинул территорию Железной Горы без дозволения мэрии и в то же время с помощью тех, кого определенно заставили проявить любопытство этой невероятной статьей в газете — с помощью дам Вестернадана.

— Дьявол! — выругался лорд Гордан. И тут же извинился: — Простите, Анабель.

Но я, заинтригованная его реакцией, поинтересовалась:

— Вам что-то известно?

— Да, — стремительно направляясь к дверям, ответил дракон. — Матушка ныне в полдень справлялась о том, кто сегодня дежурит на северных воротах. И я ответил, ни о чем не подозревая. Мне необходимо срочно доложить об этом лорду Давернетти.

Когда и он покинул дом профессора Стентона, я осталась стоять наверху, в задумчивости глядя на газету. Было о чем подумать.

— И мы все это так оставим? — спросила подошедшая миссис Макстон. — Леди Гордан, похоже, уже начала действовать.

— А что мы можем сделать? — растерянно спросила я.

— Чай, — мгновенно предложила домоправительница.

— Рыбу! — крикнул с кухни мистер Оннер. — Мистер Илнер, куда вы дели ту, что закупили для собачьей похлебки?

— Немного свинцовых опилок на стул. — Мистер Уоллан удивил своей изобретательностью.

— Давайте мне, я подсыплю! — заверила Бетси, собирающая осколки разбитого старшим следователем бокала.

— Мисс Ваерти, мне уже можно заниматься лошадыми? — осведомился мистер Илнер.

— Нет! — разом выкрикнули и я, и доктор Эньо, который показался в дверях, ведущих из кухни.

— Д-д-д... — «дьявол», верно, хотел сказать он. Но, натолкнувшись на суровый взгляд миссис Макстон, тут же исправился и выговорил: — Д-д-досадно.

И тут из моей спальни донеслось:

— Я закончила с платьем!

— Моя проворная миссис, — улыбнулся с нескрываемой гордостью доктор Эньо.

— Совершенно потрясающая женщина! — с чувством воскликнула миссис Макстон.

— И что эта потрясающая женщина сделала с моим платьем? — Из гостиной вышла возмущенная леди Давернетти.

— В отличие от вас, ничего возмутительного! — тут же ответила ей миссис Эньо.

И я вдруг подумала, что практически счастлива, вопреки всем, всему и перспективам. Хорошо, когда рядом с тобой люди, действительно хорошие люди. Тогда и любые трудности не страшны. А леди Гордан сегодня придется нелегко!

— Бетси, вы успеете сделать мне прическу? — спросила, учитывая, что с посыпанием стульев свинцовой